

Кирилл Татарников,

специально для проекта

www.reenactor.ru

2009г.

ИНЖЕНЕРНЫЙ КОРПУС ОБМУНДИРОВАНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ С 1730 ПО 1762 ГОД

Несколько лет назад на страницах журнала "Воин" была опубликована моя статья с аналогичным названием. Позднее, еще раз пересмотрев послужившие для нее основной материалы, я, к своему неудовольствию, обнаружил не только множество оставшихся без внимания сведений, но и фактических ошибок, допущенных при работе над текстом и иллюстрациями. Никаких оправданий себе придумывать я не стану: "назвался груздем, полезай в кузов". Лучшее, что можно (и нужно) сделать в данном случае – переписать работу целиком. Представляя настоящий ремейк публике, искренне надеюсь, что смог исправить все недочеты, и возвращаться к этой теме вновь мне больше не потребуется. Пояснения к иллюстративному материалу помещены в конце текстовой части статьи.

История инженерного корпуса как самостоятельного рода войск начинается с 1726 (до этого немногочисленные инженеры и минеры находились в подчинении артиллерии). По указу от 25 июля крепости, Инженерная школа, армейские и гарнизонные инженеры и минеры поступили в ведение генерал-майора от фортификации Александра Деклапира де Кулона (de Collongue). Учрежденная тем же указом контора Инженерного правления 28 сентября 1728 была переименована в Главную (или Генеральную) Фортификационную контору.¹

В мае 1727 место де Кулона занял Бурхард-Христофор Миних, пожалованный чином полного генерала и обер-директором над фортификациями всей Российской империи, с правом распоряжаться крепостями и служащими инженерного корпуса, за исключением минеров, «*мимо главной артиллерии*».² Впрочем, в апреле 1729 Миних сам встал во главе последней.³ Прежняя должность осталась за Минихом, а потому указом от 28 июля 1729 Канцелярия главной артиллерии и Главная Фортификационная контора были объединены в Канцелярию главной артиллерии и фортификации, «*и куды надлежит промемории или указы, как о артиллерийских, так и о инженерных делах, отправлять из той канцелярии обще*». В начале 1736, в ходе реформы Военной коллегии, эта канцелярия вновь разделилась на самостоятельные Канцелярию главной артиллерии и Фортификационную контору, но всего шесть лет спустя, согласно указу от 18 февраля 1742, Фортификационная контора была опять соединена с Канцелярией главной артиллерии, «*понеже крепостей без артиллерии и артиллерии без крепостей содержать не можно*» (фактически это слияние произошло только в следующем году). Вернулось и прежнее название — Канцелярия главной артиллерии и фортификации.⁴ Под таким именем канцелярия просуществовала до декабря 1796, когда император Павел I повелел включить ее в состав Воен-

ной коллегии в качестве одного из подразделений — Артиллерийского департамента.

До конца 1750-х годов устройство инженерных войск определял «Анштальт» (штат) 1728 года, согласно которому они включали:

- генералитет с их канцеляриями;
- Инженерный полк в составе восьми «компаний» (рот) из офицеров и кондукторов;
- инженерных служителей при крепостях (писари и мастеровые);
- Инженерную школу;
- Инженерную контору (она же — контора Инженерного правления);
- Минерную роту.

Такое деление было по сути условным — разбитые на отдельные команды инженеры, минеры и служители, иногда всего по несколько человек, несли службу в разных городах и крепостях, никогда не собираясь вместе. Однако прежде детального знакомства со штатом, следует отметить один весьма существенный момент: до середины XVIII века понятие «инженерный корпус» не имело привычного нам сегодня значения. Тогда этими словами обозначались собственно те, кто несли инженерную службу — генералитет, чины Инженерного полка и служители при крепостях. Инженерная школа, контора Инженерного правления и Минерная рота стояли особняком. Объяснить это не сложно: минеры считались отдельной воинской специальностью, а контора и школа не входили в состав Инженерного корпуса точно также, как не входили в состав полевой армии управлявшая ей Военная коллегия и готовивший для нее офицеров Кадетский корпус.

АНШТАЛЬТ ОТ 3 ИЮНЯ 1728		
ИНЖЕНЕРНЫЙ КОРПУС		
генералитет		
генерал-инженер		1
при нем:	адъютант	1
	флигель-адъютант	1
	канцелярист	1
	писарь	1
генерал-майоров		2
при них:	флигель-адъютантов	2
	писарей	2
штаб-лекарь		1
денщиков		37
инженерный полк		
полковой штаб:	полковников	2
	подполковников	2
	майоров	2
	квартирмейстер	1
	полковой комиссар	1
	адъютант	1
	аудитор	1
	лекарь	1
	фискал	1

	полковой писарь	1
	комиссарский писарь	1
	цейхвартерский писарь	1
	копиистов	2
	денщиков	37
в восьми компаниях:	капитанов	8
	капитан-поручиков	8
	поручиков	8
	подпоручиков	8
	прапорщиков	8
	кондукторов	192
	писарей	8
	цирюльников	4
	денщиков	64
служители при крепостях		
	писарей	80
	мур- (стенных — <i>Авт.</i>) мастеров	6
	кузнечных мастеров	6
	дернокладчиков	40
	кузнецов	40
	плотников	40
ИНЖЕНЕРНАЯ ШКОЛА		
	учитель инженер-капитан	1
	рисовальных мастеров	2
	кондукторов	2
учеников:	в чертежах и фортификации	20
	в геометрии и тригонометрии	20
	в арифметике	20
	сторож	1
	денщиков	5
ИНЖЕНЕРНАЯ КОНТОРА		
	секретарь	1
	протоколист	1
	регистратор	1
	канцеляристов	2
	копиистов	6
	сторожей	2
МИНЕРНАЯ РОТА		
	капитан	1
	капитан-поручик	1
	поручик	1
	подпоручик	2
	сержантов	8
	каптенармусов	2
	фурьер	1
	капралов	16

минеров	150
писарь	1
цирюльник	1
барабанщиков	2
профос	1
денщиков	8
извозчиков	16

Штат 1728 года, руководствоваться которым продолжали в течение почти 30 лет, помимо номинальной структуры, имел еще один весьма серьезный недостаток — предусмотренное в нем количество людей было гораздо меньшим, чем требовалось. Первые значительные пополнения произошли уже в начале 1730-х годов, а к 1749 «по необходимой надобности» инженерный корпус содержал более 300 человек сверх штата, добавленных частными указами в разное время.⁵ То же происходило и в дальнейшем.

Однако людей всё равно не хватало. Ведь помимо работ при крепостях и укреплениях, количество которых со времени составления штата возросло едва не вдвое (чего стоили только Царицынская и Украинская линии), инженеры участвовали в строительстве каналов, доков, гаваней, дорог, межевании земель, привлекались к участию в «разных секретных и других экспедициях» и прочих делах, вовсе посторонних фортификации. А потому, очередной раз сетовала контора в 1752, «иногда случается, что не токмо б из тех полевых служителей в крепости для исправления оных по надлежащему числу определять, но и для вышеписанных других дел бывает недостаточно». ⁶ Но и те, что занимались своим прямым делом, «с великим недостатком и с немалою нуждою исправляются. В случае ж вышеобъявленных нужнейших командирований от крепостей всегда и почасту берутся, и за тем, по краткости бытия, не могут познать подлинного обстоятельства положений мест и работ, и во исправлении тех крепостей надлежащего старания прилагать». ⁷

На увеличение численности инженерного корпуса Военная коллегия шла неохотно, стремясь не выходить за рамки положений 1728 года. Сверхштатных чинов содержали на остатки от 70.000 рублей, которые казна ежегодно отпускала на починку крепостей. «Исправляться» рекомендовалось наличными людьми и привлечением к работе инженерных учеников. Прибавка служителей допускатась за счет экономии средств от перевода части полевых вакансий на более низко оплачиваемые гарнизонные, или же при уменьшении чиновных окладов. К примеру, в 1749 штат увеличился на 24 прапорщика с кондукторским жалованьем.⁸

В январе 1757 был утвержден разработанный генерал-фельдцейхмейстером графом Петром Ивановичем Шуваловым штат нового Инженерного полка, состоящего из двух минерных, двух пионерных и двух мастеровых рот, по 250 человек рядовых в каждой. Офицерские вакансии предполагалось заполнить из числа имеющих в наличии инженерных офицеров, в сержанты назначить кондукторов 3-го класса, в каптенармусы и фурьеры — учеников старшего 1-го класса Инженерной школы. Звание сержанта Инженерного полка приравнивалось к чину кондуктора 2-го класса, каптенармуса и фурьера — 3-го. Рядовых выбирали из солдат гарнизонных полков, знающих какое-либо мастерство, причем лучшие из них производились в капралы. Всем рядовым следовало быть «людям ремесленным, а именно: в минерной роте — весьма знающим минерную должность; в пионерских — знающим плести туры, вязать фашины, класть дерном и плакировать землю, дабы во время мирное в крепостях, а в военное при армии, как сами они делают, так и прикомандированных к ним показывать могли; в мастеровых двух ротах надлежит быть всем знающим разных мастерств людям, то есть плотникам, столярам, токарям, колесникам, резчикам, кузнецам, слесарям, каменщикам, штукатурам,

знающим делать и обжигать кирпич и жечь известь».⁹ Начатое уже в 1757 формирование полка затянулось до 1760.

Согласно штату, полковой штаб включал подполковника, майора, квартирмейстера, адъютанта и полкового писаря. Казначей и комиссар, «по примеру полевых полков», выбирались из числа офицеров. В состав каждой Минерной роты входили капитан, капитан-поручик, поручик, подпоручик, прапорщик, восемь сержантов, два каптенармуса, фурьер, 16 капралов, 83 старших и 167 младших минеров, писарь, два цирюльника, два барабанщика, профос, 16 извозчиков. Денщики назначались только обер-офицерам: капитану — три, капитан-поручику — два, поручику, подпоручику и прапорщику — по одному. Пионерная и мастеровая роты имели точно такое же устройство, только вместо минер в них было по 250 пионеров или мастеровых соответственно (на старших и младших ни те, ни другие не делились).¹⁰

По штату 1728 года Инженерная школа в Санкт-Петербурге насчитывала 60 учеников, поделенных на три равных класса, по 20 человек в каждом; младший класс обучался арифметике, второй — геометрии и тригонометрии, третий — чертежам и фортификации. В 1730 Сенат дозволил взять еще 15 учеников (всего, таким образом, их стало 75 человек). Указом Военной коллегии от 23 января 1742 в Инженерную школу было велено определить еще до 150 дворянских детей, так как из-за малого количества выпускников оставались свободны многие кондукторские вакансии. Стольких людей одна школа не вмещала, поэтому в 1743 в Москве открылась еще одна, рассчитанная на 60 человек. Отныне Санкт-Петербургская школа могла содержать 165 учеников (75 прежних и 90 новых), Московская, как сказано выше, — 60. Два года спустя, в 1745, в Москву перевели 15 учеников из Петербургской школы. Вскоре выяснилось, что две с лишним сотни учеников — это явный перебор. Уже к 1748 все вакансии кондукторов были заняты, и масса учеников, лишенная дальнейших карьерных перспектив, начала «коснеть» в науках. В 1748 пришлось убавить 45 ученических вакансий (30 в Санкт-Петербурге, 15 в Москве), в 1750 — 30 (в Санкт-Петербурге), в 1752 — еще 30 (по пять учеников из каждого класса обоих школ). В том же 1752 Московская школа закрылась вовсе. Способных учеников перевели в Петербург, а остальных отправили служить в армию. Как и прежде, учеников стало 75 человек.¹¹ В 1758 Инженерная школа была объединена с Артиллерийской; новое учебное заведение получило название Артиллерийской и инженерной школы.¹²

До сих пор основным источником по униформе артиллерии и инженерных войск 1-й половины XVIII века считается широко известный труд «Историческое описание одежды и вооружения российских войск...». Первое упоминание об инженерах взято составителями «Исторического описания...» из Воинского устава 1716 года — «...инженеры имели фузею, пистолет и лядунку»; а дальше речь идет уже о реформах генерал-фельдцейхмейстера Шувалова, пришедшихся на конец 1750-х годов — после знакомства с материалами «Полного собрания законов Российской империи» и одним подлинным рисунком было сказано о том, что обмундирование служащих Инженерного полка отличалось от артиллерийского лишь цветом металлического прибора (вывод правильный, но отнюдь не исчерпывающий). Таким образом, вся история форменного костюма этого рода войск за первые 60 лет XVIII века, до начала правления Екатерины II, уместилась ровным счетом в восьми строках. Артиллерии повезло чуть больше — кроме «служилого платья» времен Северной войны и шуваловских реформ, вкратце был обрисован мундир начала 1720-х годов и своими словами описаны рисунки к регламенту, сочиненному генерал-фельдцейхмейстером Иоганном Гинтером в 1728.

Исправлять или дополнять «Историческое описание...» представляется делом бесперспективным — слишком много оказалось пропущено, да и пресловутое ПСЗ в качестве источника по изучению военного костюма XVIII века это несерьезно. Мы,

со своей стороны, хотим представить вниманию читателя картину, основанную на документах Инженерной экспедиции Военной коллегии, ныне хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (фонд № 826, описи №№ 1 и 2). Честь написания обстоятельного труда о мундире артиллеристов мы предоставляем тому, кто имеет возможность посещать архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

ОФИЦЕРЫ

На протяжении всего XVIII века, в силу своей профессиональной специфики и небольшой численности по сравнению с другими родами войск, артиллерия и инженерный корпус занимали особое положение в системе сухопутных сил Российской империи. Источники финансирования, управленческий аппарат, учебные заведения и даже некоторые чины в обоих корпусах были отличные от армейских. Вряд ли станет большим преувеличением, если сказать, что Военная коллегия руководила ими фактически номинально — большинство вопросов генерал-фельдцейхмейстер решал без ее участия. В полной мере это относится к обмундированию. И если нижние чины имели униформу пехотного образца, отличную от солдатской, по сути, только цветом, то строевое платье офицеров порой не сходствовало с армейским даже в покрое.

Судя по всему, первым за регламентацию внешнего вида инженерных офицеров взялся генерал-фельдцейхмейстер и обер-директор над фортификациями граф Миних. «Аккуратный регистр» (подробное описание — Авт.), сочиненный им в январе 1731, назначал военным инженерам такое же обмундирование, как у офицеров артиллерии, но с серебряным металлическим прибором вместо золотого (эта закономерность, а равно черный и, позднее, красный прикладные цвета, стали традиционным отличием инженерных и вообще «технических» видов войск, сохранявшимся в русской, а затем советской армиях до конца XX столетия).

«Регистр мундиру, каким образом артиллерийским и инженерным и фурманского правления штаб- и обер-офицерам определено строить, а именно:

Кафтаны — суконные алые, с отворотами, обшлага французские круглые и подбой черные бархатные. Камзолы — суконные на лосиный цвет, по борту и около подолу до боковых пол позумент золотой прорезной с городками, подбой тафтяной белый. Штаны — аглинские алые суконные ж, подбой холстинный или какой другой, кто [какой] похочет. Пуговицы, как на кафтанах, так на камзолах и штанах, — медные золоченые, токмо на кафтане гнездами, по две пуговицы. А у инженерного генералитета, штаб- и обер-офицеров мундир таким же маниром, токмо пуговицы серебряные и на камзолах позумент серебряный. Нижние же обер-офицерские чины, яко же (такие как — Авт.) штык-юнкеры артиллерийские и фурманского правления, а инженерные — прапорщики и кондукторы, вместо бархату черного могут подбить кафтаны трипом черным самым добрым, а кроме кондукторов позволяется и бархатом. Штифлеты — черные крашеные, самым добрым и чистым мастерством, с пуговицами средними костяными черными. Шляпы — пуховые черные, с позументом прорезным, у артиллерийских и фурманских офицеров золотым, а у инженерных серебряным. А каким быть на кафтанах и камзолах пуговицам, при сем сообщается две пуговицы медные золоченые для образца, а у инженерных — против оных же серебряные».¹³

В начале февраля указы с приложением копий этого регистра, а также изготовленные при Санкт-Петербургском арсенале деревянные образцы кафтанных и камзольных пуговиц, были отправлены во все полевые и гарнизонные артиллерийские и инженерные команды.¹⁴

Такое обмундирование всем без исключения офицерам «неотменно» следовало «исправить» себе «к предбудущему генварю месяцу 732-го году... под опасением, ежели у кого не сделано будет, штрафа». Однако, по целому ряду объективных

причин это требование оказалось невыполнимым. В дальних гарнизонах и на пограничных линиях, где несли службу многие офицеры и кондукторы инженерного корпуса, было просто-напросто нельзя достать упомянутые в регистре вещи и материалы. *«...Мне и команде моей, инженерным служителям, — доносил инженер-майор Иван фон Люберас в ноябре 1731, — к показанному термину такого мундира сделать невозможно, понеже здесь, в городе Царицыне, не токмо чтоб найти таких сукон, бархату, позумента и пуговиц, но и крашенины черной доброй на штивлеты найти невозможно, и не токмо в Царицыне, но и в Астрахане к строению оногo мундира потребного многого найти невозможно».*¹⁵ То же самое, почти слово в слово, написали из «казацкого городка» Черкаска и крепости Святого Креста, причем в черкасском гарнизоне, как выяснилось, нет даже знающих портное мастерство солдат.¹⁶ Кроме того, значительное число офицеров, не имея при себе нужного количества денег, стали докучать канцелярии просьбами о выдаче им жалованья прежде положенного срока, другие же вовсе едва сводили концы с концами — *«не токмо сделать мундира, но и ныне едва с нуждою имеют дневную пищу, и весьма одолжали».* Да и указ из столицы порой шел до адресата несколько месяцев...

Встречались, однако, и вполне обеспеченные офицеры — такие, у кого хватало средств не только на предписанное регламентом, но и на дополнительные украшения, например, плюмаж к шляпе. Эта «инициатива снизу» получила одобрение Миниха. *«Понеже, как я мог видеть, — писал он 26 марта 1732, — что артиллерийские и инженерные офицеры некоторые носят на шляпах плюмажи красные и белые, того ради Канцелярии главной артиллерии и фортификации приказать те плюмажи носить всем штаб- и обер-офицерам, а именно: артиллерийским — на шляпах позумент золотой, плюмажи красные, а инженерным — позумент серебряный, а плюмаж белый, дабы была отличность».*¹⁷

Также известен случай постройки мундира собственного изобретения. В мае 1732 находившийся в Павловске инженер-капитан Иван Вестготов рапортовал Канцелярии главной артиллерии и фортификации, что у состоящего в его команде кондуктора Ивана Чоглокова *«сделан мундир отменно против указу: кафтан с прорезными аглинскими черными бархатными обшлагами, пуговицы на кафтане с одной стороны до пояса серебряные, також де на камзоле пуговицы до пояса, без позументу».* В оправдание себе Чоглоков «объявлял» капитану: *«...каким манером мундиру быть у кондукторов... будет де о том определение».*¹⁸

Это любопытное описание, показывающее в числе других неуставных отличий *«пуговицы на кафтане с одной стороны до пояса... також де на камзоле пуговицы до пояса»*, позволило предположить, что Миних назначил артиллеристам и инженерам мундир такого же покроя, как у офицеров французской пехоты, характерными особенностями которого, наряду с отсутствием воротника и большими круглыми обшлагами, были узкие отвороты по всей длине бортов кафтана и пуговицы до самого низа пол, как на кафтане, так и на камзоле. Следующий документ окончательно убедил нас в правильности сделанного вывода.

«В прошлом 1735-м году марта 24-го дня, по посланным из Канцелярии главной артиллерии и фортификации ко инженерным генералитету, штаб- и обер-офицерам указам, велено, по силе присланного от господина генерала-фельдмаршала, над фортификациями обер-директора и кавалера его сиятельства графа фон Миниха предложения, чтоб инженерным офицерам строевой мундир, который ныне у них имеется, доносить. А впредь, для не толь великого убытка, иметь таким же манером, как и нынешний, токмо бархатом подбивать одни отвороты, також обшлагам быть бархатным же малым разрезным, а пуговицам и отворотам быть до пояса. И во время б строя были офицеры в одинаком мундире, токмо нестроевым офицерам на шляпах плюмажу не иметь, чрез что б была некоторая отменность».

*Да сентября 15-го дня того ж 1735-го году, по определению Канцелярии главной артиллерии и фортификации... велено... инженерного ж корпуса кондукторам мундир строить против прежнего ж, а рукава переправить и велеть сделать таким же маниром, как у инженерных обер-офицеров имеются, понеже у прежнего у кондукторов мундира обшлага с офицерскими были равные».*¹⁹

Короче говоря, отвороты на кафтане, пуговицы по борту кафтана и камзола стали делать только до пояса, круглые «французские» обшлага сменились малыми разрезными, на подбой кафтанов разрешено использовать более дешевый материал, а плюмаж оставлен только строевым офицерам.

Во 2-й половине 1730-х годов, после деления Канцелярии главной артиллерии и фортификации на самостоятельные Канцелярию главной артиллерии и Фортификационную контору, мундиры артиллеристов и инженеров начали меняться независимо друг от друга. Известно, что на кафтанах офицеров артиллерии появились воротники и расшивка золотым позументом; возможно, иной стала форма обшлагов. В марте 1741 тогдашний генерал-фельдцейхмейстер принц Людвиг Гессен-Гомбургский велел «штаб- и обер-офицерам мундир делать по старому мануру, только б лацканы были глухие и с грудью».* С возвращением инженерного корпуса под управление артиллерийского начальства, процесс пошел в обратном направлении. 14 декабря 1742 «от фортификации и армии господин генерал-аншеф и кавалер барон Фонлюберас приказал инженерного корпуса и Минерной роты штаб- и обер-офицерам и кондукторам у надлежащего их строевого мундиру иметь у кафтанов воротники и обшлага против артиллерийских» (до этого на строевых кафтанах инженеров и кондукторов воротников не было вовсе).²⁰

Наконец, в марте 1743 инженеры снова получили мундир во всё равный с артиллерийским (при изготовлении образцового рисунка понадобилось лишь заменить золотой цвет позументов на серебряный).

«Хотя по посланным из Фортификационной конторы указам инженерного корпуса у штаб- и обер-офицеров у мундиров воротники и обшлага сделаны против того, как у артиллерийских офицеров имеются, токмо у тех инженерных офицеров на кафтанах позументу (как у артиллерийских полевых офицеров) не имеется. А ныне инженерный корпус со артиллериею сообщен, и надлежит и мундир иметь офицерам равный. Того ради, по указу Ее Императорского Величества, Канцелярия главной артиллерии и фортификации приказали:

Всем инженерного корпуса штаб- и обер-офицерам мундир от сего времени иметь нижеследующий, а именно:

1. Штаб-офицерам. Кафтаны и штаны — красного доброго сукна; обшлага небольшие разрезные внизу, воротник и на груди отвороты глухие — из доброго бархата. Петли имеют быть обшиты на бархате шелком, а на сукне — гарусом. На кафтанах по борту, обшлагам, воротнику, позади кругом прорехи и в фалдах — серебряный с городками прорезной позумент. Пуговицы серебряные. Подкладка черная, из доброго камлоту, и шелковая черная ж дозволяется.

Камзолы — из сукна на лосиный цвет, по борту позумент широкий; и кругом клапанов, как сверху, так и снизу, обложить тем же позументом, против чертежа. Пуговицы серебряные. Подкладка белая.

Шляпы с позументом [таким же], какой на кафтане, по сторонам прошиты шнурками серебряными и [с] плюмажем белым. Бант настоящий белый, пуговицы и петли серебряные. Щиблеты черные, из аглицкой кожи, с раструбы накладными. Шпаги иметь с серебряными эфесами, темляки серебряные ж.

* Очевидно, «глухими» назывались лацканы, наглухо пришитые к бортам кафтана. Словосочетание «лацканы с грудью» по-видимому обозначает то, что лацканы были широкими, закрывающими собой всю или почти всю грудь.

2. *Обер-офицерам. Кафтаны и штаны — красного доброго сукна; обшлага небольшие разрезные внизу, воротник и на груди отвороты глухие — из доброго бархату. Петли имеют быть обшиты на бархате шелком, а на сукне — гарусом. По борту, обшлагам, на воротнику и назади, а капитанам и в фалдах, — серебряный с городками прорезной позумент, а прочим, ниже капитанов, в фалдах позументу не класть. Пуговицы серебряные. Подкладка черная. Камзолы — из сукна на лосиный цвет, по борту и клапанам позумент такой же, какой на кафтане; пуговицы серебряные, подкладка белая. Шляпы с позументом таким же серебряным, плюмаж белый и притом бант настоящий белый, пуговицы и петли серебряные. Щиблеты из аглинской черной кожи, с накладными раструбами. Шпаги иметь с серебряными эфесами, темляки серебряные ж.*

*И о том ко инженерным командам послать указы и при них каким образом тот мундир иметь — сообщить чертежи».*²¹

В мае 1747, по предложению генерал-фельдцейхмейстера князя Никиты Ивановича Репнина, лацканы были отменены, и в таком виде униформа офицеров артиллерии и инженерного корпуса сохранялась до конца 1750-х годов.

Предложением от 14 июня 1758 генерал-фельдцейхмейстер Шувалов приказал вернуть на кафтаны офицеров лацканы и внес еще несколько менее существенных изменений. Текст этого документа, также как регламенты 1731 и 1743 годов, мы приводим полностью.

«Из взятого из оной канцелярии экстракта усмотрено мною, что по артиллерийскому и инженерному корпусам о строевом мундире от времени до времени перемены были по усмотрению и положению генералов-фельдцейхмейстеров и по ним — от старших командиров. А, наконец, в 741-м году марта 2-го дня, по предложению покойного генерала-фельдцейхмейстера принца Гесен-Гомбургского, велено штаб- и обер-офицерам мундир делать по старому маниру, только б лацканы на кафтанах были глухие и с грудью, а потом, в 747-м году мая 9-го дня, по предложению покойного генерала-фельдцейхмейстера князя Репнина, те лацканы отменены, а велено иметь такого ж маниру мундиры, только без лацканов, кои и до сего в обоих помянутых корпусах содержаны были. А как неизвестно, что из обер-офицеров некоторым по недостатку иногда принуждено будет для всегдашнего употребления кафтан переверотить, в таком случае пристойнее признается быть кафтанам с лацканами, потому что у перевероченного кафтана старые петли лацканами прикрыты быть могут так, что и приметить не можно, перевероченный ли кафтан.

Того ради Канцелярии главной артиллерии и фортификации рекомендую сделать один образцовый мундир такой же, как и прежние были, у которого сделать лацканы по препорции росту, из черного бархату, такие ж, как и обшлага. А пуговицы иметь золоченые круглые, по шести или по восьми на лацкане и по три до поясу под оным; кои [пуговицы] на обшлагах и под лацканом, [те] иметь кафтанные, а на лацкане — камзольные. Также те пуговицы конечно б были, как выше сказано, круглые, а не плоские, и на лацканах петель черных шелком не прошивать, а ставить одни пуговицы гнездами. А на обшлагах, на клапанах и на фалдах ставить пуговицы против прежнего.

И с того образцового мундира учинить чертежи с подробным описанием, например, лифу камзола от пупа на сколько пальцев быть ниже, против чего какову уже быть следует лифу кафтанному. Также о длине и ширине кафтана и камзола, разумеется, примером изъяснить следует, как то: чтоб кафтан полы имел не так широки внизу, чтоб не видна была камзольная пола, также б воротник так стройно около шеи сделан был, дабы ни мало рубашки ни сзади, ни спереди, кроме галстука, видно не было, и о прочем. И во все, как полевые, гарнизонные и фуриштатскую команду разослать.

А в фуриштате иметь такие ж с лацканами мундиры, только из красного и синего сукон, с такими ж золочеными пуговицами.

А в инженерном корпусе у штаб- и обер-офицеров такие ж, как и у артиллерийских, по вышеписанному ж маниру, [но] с белыми пуговицами. А кондукторы, чтоб с офицерами имели отмену, то им иметь кафтаны такого маниру и цвету с лацканы, только с круглыми зашивными обшлагами — так, как и у артиллерийских сержантов, и носить им равномерные со артиллерийскими тесаки, только с белым прибором. Портупеи иметь по камзолам лосиные, с серебряным позументом мушкатерским шириной в палец [для кондукторов] первого класса, а прочим такие ж портупеи без позументу. А на камзолах позументу, по неприличности, всем им не иметь. И притом крепко за ними велеть наблюдать, чтоб мундиры шиты были стройно и не долги, а особливо камзолы, и шпаг бы маленьких штабских не носили.

*А минерным унтер-офицерам и капралам иметь мундиры с позументом на обшлагах серебряным. А артиллерийским и фуриштатским унтер-офицерам — с лацканы ж, с золотым позументом».*²²

Руководствуясь этим предложением, в том же месяце Канцелярия главной артиллерии и фортификации велела «тесакам для кондукторов учинить при канцелярии в имеющейся чертежной чертеж, по которому из дерева модель сделать в здешней (Санкт-Петербургской — Авт.) крепости при инженерной команде и представить в канцелярию немедленно, а что принадлежит до чертежей о мундирах, то оные посланы быть имеют при учинении».²³

Светлые, лосиного цвета камзолы быстро загрязнялись. Не в последнюю очередь способствовал этому черный подбор кафтанов. В октябре 1758 Шувалов разрешил инженерным офицерам «с простыми кафтанами носить камзолы и штаны черные бархатные или из хорошего черного трипу, с белыми пуговицами по тому ж маниру, какие и у кафтанов, но с парадным мундиром оных камзолов не употреблять и ко двору Ее Императорского Величества в них, также и в парады, не ходить».²⁴

Мундирные реформы императора Петра III не затронули инженерный корпус.

Мастеровые чины в офицерских рангах одевались сходно с офицерами. Определением Канцелярии главной артиллерии и фортификации от 22 февраля 1751 для мастеров каменного дела и архитектурных гезелей при Санкт-Петербургской крепости, мурмейстеров и рисовальных мастеров был установлен «мундир цветом против инженерного корпуса офицеров и кондукторов, а именно: кафтаны и штаны из красного сукна, с воротниками и обшлагами у кафтанов бархатными, а с пуговицами оловянными и с подбоем черного стамеду, токмо обшлага делать против офицеров и кондукторов с отменюю, а именно, чтоб оные были против ныне имеющих на мундирах обшлагов несколько более и, сверх ordinarily имеющих наверху пуговиц, иметь же внизу пуговицы, которыми те обшлага застегивать, дабы были круглые, а не распашные. Камзолы ж делать из сукна цвету лосиного, каковы обыкновенно у офицеров всedневные, також и кондукторов, имеются, с оловянными ж пуговицами, и на тех камзолах рисовальным мастерам позволить иметь серебряный позумент против инженерных офицеров, а прочим таковые камзолы иметь без позумента. Причем всем помянутым чинам шляпы с серебряным же позументом иметь».²⁵

Насколько строго в XVIII веке офицеры придерживались регламента, сказать с уверенностью нельзя. Практически все предметы одежды и снаряжения они делали

за собственный счет, а потому не имели надобности отчитываться о них перед кем-либо. За исключением распоряжений официального характера и редких упоминаний, разбросанных по страницам мемуарной литературы, сведения об экипировке офицеров можно найти разве что в описях имущества умерших на службе. Содержание одной из таких описей «*пожиткам*», будет пересказано ниже, но сначала — несколько слов о предыстории ее появления.

21 апреля 1750 «от болезни волею Божию» в Ревеле скончался инженер-капитан минерной команды Иоган Балтазар Цвингер, пасторский сын и уроженец «*бранденбургской нации*». Родственников покойный не имел. Жена умерла тремя днями раньше, а кроме нее из близких людей при «*означенном капитане*» находились лишь две девки-служительницы: одна — вольная, другая — крещеная «*в немецкую веру*» (очевидно, в лютеранство) турчанка Юлсин, взятая в плен под Хотиним. «*Без продолжения времени*» пожитки усопших были описаны, а затем, так как наследников не отыскалось, распроданы с публичного торга. Из всего многообразия носильных и бытовых вещей мы уделим внимание только офицерскому имуществу, в первую очередь — одежде.

Итак, согласно описи, в первом бауле хранились 31 поношенная мужская рубаша «*верендорского*» полотна с манжетами у рукавов, пять исподних мужских рубаш из «*просто*» полотна, шесть белых камзолов «*шитых... по полотну*» и столько же камзолов из канифаса, 21 белый полотняный галстук, 15 пар полотняных штибель-манжет; пара нитяных, пара черных и две пары белых шелковых чулок; четыре пары полотняных штиблет с медными пуговицами, два белых спальных бумажных колпака, 14 «*пестрых*» бумажных карманных платков, шелковый офицерский шарф «*пополам с серебром*», новый серебряный темляк, две пары замшевых перчаток, две дюжины обшивок к рубашечным рукавам, две бумажки нитяных пуговиц и новая шляпа, обшитая серебряным позументом.

В числе «*мундира*» показаны новый красный кафтан с черным подбоем и, как это ни странно, бархатными лацканами (напомним, что лацканы были отменены в 1747); белый (вместо положенного лосиного) мундирный камзол без пуговиц с серебряным позументом и новыми передними полами, старый желтый мундирный камзол с 21 серебряной пуговицей и серебряным позументом, двое желтых штанов с белым подбоем, новые красные мундирные штаны; красный ношенный сюртук подбитый синим «*мохнатым*» трипом, с красными пуговицами и петлями; васильковая епанча с красным подбоем; две старых шляпы: на одной присутствовал только бант, на другой — серебряный позумент и белый плюмаж.

В тот же «*мундирный*» раздел оказались включены две шапки из красного сукна, опушенные черной куницей; черные кафтан, камзол и штаны с черными же пуговицами, подбой кафтана черный, у камзола и штанов — белый (как видно, и в цивильном платье капитан предпочитал сочетание красного с черным); зеленого цвета шерстяной дамастный казакин с зелеными гарусными пуговицами и камзольными полами, стеганая «*канаватная*» душегрейка с «*карпунным*» подбоем и без рукавов, старый «*картунный*» шлафор.

Кроме того, в описи значатся две пары сапог, старое ломаное ружье со штыком, замшевый патронный подсумок; шпага с серебряными эфесом, крючком и наконечником ножен; замшевая португеза, старый серебряный темляк, жестяной ящик с шестью париками, деревянные болваны под парики (три штуки на одном древке), неполный замшевый мешок с пудрой и большое зеркало в деревянном ящике.

Лошадей у семьи Цвингеров было две: обе «*малого росту*» мерины со стриженными гривами и поротыми правыми ушами, один — светло-саврасый, двадцати лет от роду, второй — «*рыжий, мало темно-саврасовый*», восьми лет. Из упряжи в наличии имелись две седелки, две ременные узды и два хомута с малыми медными бляхами; для поездок верхом капитан содержал новое седло со старым прибором без стремян и две старых узды. Во время переезда всё фамильное имущество должно

было уместиться на три старых решетчатых кибитки с кожаной «закрышкой» и два старых обитых кожей фурмана с коваными колесами...

Вырученные за проданные пожитки деньги поступили в Ревельскую гарнизонную канцелярию, на счет фортификационной суммы.²⁶

НИЖНИЕ ЧИНЫ

К категории нижних чинов в инженерном корпусе относились:

- минеры, а с 1757, после формирования нового Инженерного полка, также входившие в его состав пионеры и мастеровые;
- служители при крепостях (писари и разных специальностей мастеровые);
- извозчики при Минерной роте и крепостях (мундир у тех и других был одинаковый);
- гребцы при инженерной команде Санкт-Петербургской крепости.

Обмундирование для минеров, писарей и мастеровых, за исключением расцветки и некоторых особенностей, строилось по образцу пехотного, в соответствии с положениями «Воинского стага» 1731 года и практически не менялось до начала 1760-х годов.

МИНЕРЫ

Новый «трехгодовой» мундир — кафтан, камзол, первые штаны и первую шляпу — полевые минеры должны были получать к 1 января 1733, 1736, 1739, 1742, 1745, 1748, 1751, 1754, 1757 и 1760 годов; вторые штаны и шляпа из этого комплекта выдавались спустя полтора года. Епанчи, имевшие четырехлетний срок службы, следовало обновлять к 1 января 1736, 1740, 1744, 1748, 1752, 1756 и 1760 годов. Сапоги отпускались ежегодно. Все остальные вещи — галстуки, рубашки, порты, чулки и прочее — минеры приобретали за собственный счет. Минерам на гарнизонном окладе полагались такие же кафтан, камзол, две пары штанов, две шляпы, одна епанча на десять человек в четыре года и по паре сапог и башмаков ежегодно.

Когда именно минерам был присвоен описанный ниже мундир, выяснить нам не удалось — самые ранние сведения о нем в делах 826-го фонда относятся к 1736. Про обмундирование предыдущего времени известно только, что по срокам 1722 и 1725 годов минерам выдавались шляпы с обшивками, кафтаны, камзолы, епанчи и сапоги, а вычтенные на их постройку деньги поступали в Артиллерийскую канцелярию.²⁷

Итак, головным убором минеру служила черная шерстяная шляпа. Поднятые кверху поля с трех сторон притягивались к тулье нитяным шнуром-обдержкой, а по их краям нашивался шерстяной галун. Последнего, обычно его именовали «обшивкой», на каждую шляпу выходило по два аршина. С левой стороны на поле крепились оловянная пуговица и «российский полевой знак» — белый бант из канифасного полотна. С середины 1730-х годов шляпы «минерных служителей» украшал шерстяной шнур с кистями.

«Убор» на шляпах почти никогда не расписывался подробно. Так, упоминания о шнурах с кистями при работе с документами встретились нам дважды — в делах за 1738 и 1746 годы; о пуговицах к бантам — всего один раз, в книге с определениями Канцелярии главной артиллерии и фортификации за декабрь 1756 года.²⁸ Отнюдь не всегда указывается материал, из которого делались обшивка, обдержка и бант. Объяснить это, по-видимому, можно тем, что детальные описания просто не были нужны: при заключении контракта подрядчик представлял несколько экземпляров готовой вещи, которые утверждались печатями обеих договаривающихся сторон и служили наглядным образцом во время приема всей партии товара.

На шею, поверх воротника рубашки повязывался белый холстинный галстук. Наверное, изрядно были удивлены в Фортификационной конторе летом 1741, когда

узнали, что состоящая в Азове минерная команда капитана Бомана носит галстуки из черного флера, да еще и *«против прежнего образца»*, вовсе неизвестного контроле. Конечно же, их велели заменить белыми.²⁹

Красный суконный кафтан имел воротник и обшлага, скроенные из 10 вершков черного трипа (последние, видимо, были круглые, по образцу пехотных). Полы кафтана подбивались красной каразеей, *«а буде оной не сыщется»* — байкой; фалды, рукава и карманы (по другим сведениям фалды и обшлага) — красной крашениной. Камзол, штаны и епанчу также надлежало делать из красного сукна; подкладка у камзола и штанов была холстинная, у епанчи — красная каразейная или байковая. Застегивалась епанча на медные крючок и петлю, пришитые около воротника, а с 1748 — такой же, как на мундире кафтанной пуговицей.³⁰ В 1746 из-за недостатка красного сукна минерам, находящимся в Санкт-Петербурге и остзейских крепостях было велено сделать васильковые епанчи.³¹

Ширина цветных сукон определялась в 1 аршин 14 вершков, трипа — 13 вершков, байки и каразеи — 1 аршин 3 вершка. Цифры в приведенной ниже таблице показывают количество *«мундирных припасов»*, положенное на вещи *«средней руки»* — материалы отпускались в воинские части исходя именно из этих «средних» чисел, а уже на месте кафтаны, камзолы, штаны и епанчи шили по *«возрасту»* (мере) каждого конкретного человека, *«употребляя в дело того мундира мундирных вещей не более положенного по пунктам Воинской комиссии числа»*.

Пуговицы у инженерных и минерных служителей были оловянные. На мундир минера их выходило 24 кафтанных и 24 меньшего размера камзольных; из числа последних 18 штук предназначалось на камзол и шесть на штаны, причем пуговицы на штанах обычно называли *«штанными»*. Образцы пуговиц могли меняться каждый раз при постройке нового обмундирования. Так, к мундиру по сроку 1748 года минерам и ученикам Инженерной школы, как и раньше, были подряжены литые пуговицы с впаянными ушками из железной проволоки (в 1730-е и 1740-е годы предпочтение отдавали именно таким), но, в отличие от прежних, которые теперь нашли *«округлостью малы и высоки»*, новые рассудили делать *«несколько побольше и плоские»*. Расход материалов и, соответственно, цена таких пуговиц оказались выше: старые кафтанные пуговицы весили два золотника, камзольные — полтора; новые — два с половиной и два без четверти золотника соответственно. Первые же образцы, представленные на рассмотрение канцелярии в конце 1747, были паяные *«и к носке весьма непрочные»*.³² С середины 1750-х годов подряжались оловянные пуговицы *«на дереве»* или же *«на деревяшках»* (деревянной основе), с нитяными петлями вместо проволочных ушек.³³ По условиям контрактов, олово для литья пуговиц мастерам следовало брать самое *«сухое»* и *«чистое»*. Раз от раза менялась и цена пуговиц: в 1736 портище кафтанных пуговиц стоило 10 копеек, портище камзольных — пять; в 1747 — 12 и 9 копеек соответственно, в 1756 — 12½ и 9½ копеек у одного подрядчика и 9¼ копеек, как кафтанные, так и камзольные, у другого; в 1761 — по 9¼ и 7½ копеек.³⁴

Регламент в отношении нижних чинов соблюдался довольно строго. В 1754 растрату нескольких рублей на гарус и клеенку к пуговичным петлям для *«лучшей красоты и твердости»*, Канцелярия главной артиллерии и фортификации расценила как *«весьма непорядочный»* поступок, достойный *«неотменного взыскания»* — *«ибо чтоб у мундиров гарусом и на клеенке петли обшивать, о том никакого положения и определения не имеется, и во всей армии, також во артиллерии и в прочих командах, того не чинится»*.³⁵

Обувью минерам служили сапоги. Башмаков и штиблет, а равно денег на их приобретение, от казны им не полагалось. В 1736 для минеров были куплены *«теляттинные»* сапоги, в 1746 — сапоги из личной кожи, то есть сшитые наружу внешней стороной кожевенного товара.³⁶

Унтер-офицеры, капралы и писари обкладывали воротники и обшлага своих кафтанов серебряным позументом. Мундиры барабанщиков, так же как в армейских полках, украшал гарусный или шерстяной галун, покупавшийся «сколько оного на тое обшивку без излишества потребно». В 1742 для обшивки кафтанов и камзолов двух барабанщиков Минерной роты требовалось 50 аршин «шерстяного позумента», в 1746 — 40 аршин «гарусного широкого галуну... по двадцати копеек аршин (по чему и напредь сего таковой же галун покупался)». Унтер-офицеры, капралы и писари приобретали позумент за собственный счет; для барабанщиков галун покупался «из оставших от строения мундира денег».³⁷

Как уже говорилось выше, в 1757 по предложению генерал-фельдцейхмейстера Шувалова был образован Инженерный полк, состоящий из двух минерных, двух пионерных и двух мастеровых рот. В январе 1760, когда пошел срок выдачи новых мундиров, Шувалов приказал: «...для минеров мундир впредь строить таковой же, какой уже и в двух артиллерийских полках — с триповыми лацканы, воротники и обшлагами — построен; что же принадлежит до пионерных и мастеровых, то для оных какой и прежде на минеров строен был — без лацканов. Впредь же какую для различия минеров с мастеровыми и пионерными в мундирах сделать отмену надобно будет, тому канцелярии его сиятельство рекомендует, сочинив рисунки, какие за благо она канцелярия рассудит, со мнением представить его сиятельству».³⁸

Трипа на кафтан с лацканами, конечно же, стало расходоваться больше. В январе 1762 Канцелярия главной артиллерии и фортификации приказала отпустить 34 минерам 50 аршин черного трипа; следовательно, на каждый кафтан его выходило по одному аршину семи с половиной вершков.³⁹ Сколько и какого размера пуговиц было на таком кафтане, выяснить нам не удалось. Минерная, две пионерных и одна мастеровая роты, находившиеся в заграничном походе, получили новое обмундирование уже в 1760; минерная и мастеровая роты в российских крепостях оставались в своей прежней форме вплоть до середины 1761.⁴⁰

Как выглядели минеры во время работ, сказать трудно. Летом 1742, когда фельдмаршал граф Петр фон Лесси предложил сделать для минерной команды в Выборге рабочие кафтаны из холста или парусины, наподобие тех, что были у солдат гарнизонных полков, Фортификационная контора отписала, что «минерным служителям показанных кафтанов по штату не положено и суммы никакой на оные в Фортификационной конторе не имеется... и оных кафтанов от Фортификационной конторы никогда не давалось».⁴¹

раскладка материалов на обмундирование полевых минеров с 1730-х годов до 1760 года	
шляпа (срок службы — полтора года)	
белого шерстяного галуна	— 2 аршина
белый бант из канифасного полотна	— 1 штука
оловянная пуговица	— 1 штука
нитяная обдержка	— 1 штука
шерстяной шнур с кистями (с середины 1730-х)	— 1 штука
кафтан (срок службы — три года)	
красного сукна	— 3 аршина 7 вершков
черного трипа на воротник и обшлага	— 10 вершков
красной каразеи или байки	— 3 аршина 11½ вершков
красной крашенины	— 5 аршин

оловянных кафтанных пуговиц	– 2 портища (24 штуки)
камзол (срок службы — три года)	
красного сукна	– 2 аршина 4 вершка
холста	– 7 аршин 8 вершков
оловянных камзольных пуговиц	– 1½ портища (18 штук)
штаны (срок службы — полтора года)	
красного сукна	– 1 аршин
холста	– 3 аршина 4 вершка
оловянных камзольных (штаных) пуговиц	– ½ портища (6 штук)
епанча (срок службы — четыре года)	
красного сукна	– 4 аршина 8 вершков
красной каразеи или байки	– 2 аршина 2 вершка
медные крючок с петлей (до 1748)	– 1 пара
оловянная кафтанная пуговица (с 1748)	– 1 штука
обувь (срок службы — один год)	
сапоги	– 1 пара

Вооружение унтер-офицеров, капралов и рядовых Минерной роты состояло из фузеи и шпаги. Оба предмета существенно отличались от армейских образцов. Минерские фузеи имели «легкий калибр» (то есть меньшие чем у обычных солдатских ружей размер и вес), медный прибор и железные шомпола. У новых фузей, сделанных на Сестрорецких заводах к началу 1755 «таким же манером и величиною, каковы ныне у тех минерных служителей имеются», были станки из волнистого березового дерева, медный прибор, железные шомпола и трехгранные штыки в ножнах с железными крючками и наконечниками.⁴² Один из подрядчиков в 1756 предлагал изготовить к этим фузеям лосиные ремни с медными пряжками.⁴³ По числу фузей в роту отпускались ремни, отвертки для замков, пыжовники, трещотки, «малые» роговые натруски и полунагалища. В 1740-е годы, так же, как в армии, натруски выходят из употребления.

Шпаги, сделанные для Минерной роты в 1730 были «не такие, каковы в полках ординарные солдатские имеются, но с немалою отменою — образцом почти против офицерских». Грифы (рукояти) медных эфесов обвивались медной же проволокой; прибор на кожаных ножнах включал медные обоймицу (еще она могла называться «гайка»), крючок и наконечник. Аналогичные шпаги изготовили в 1740, и хотя тогда предполагалось, что в следующий раз они будут сделаны «не таким образом, каковы прежде имелись и ныне сделаны, — офицерского манеру, — но против того ж, каковы и в полках имеются», в 1753 Канцелярия главной артиллерии и фортификации приказала изготовить на Сестрорецких заводах 157 новых шпаг «таким же манером и величиною, как и в прошлом 740-м году на оных же минерных служителей на тех заводах сделаны были».⁴⁴ В феврале 1754 Оружейная контора потребовала отпустить ей деньги «за сделанные вновь... для раздачи Минерной роты служителям на Сестрорецких заводах за сто за пятьдесят за семь шпаг с медными эфесы, рисовальными клинки, с ножнами кожаными, наконечниками и крючками медными».⁴⁵ Спустя пять лет, в 1759, минерам, а также пионерам и мастеровым Инженерного полка, было решено дать такие же как у артиллеристов тесаки с медными эфесами и медными крючками и наконечниками на кожаных ножнах. В этот раз перевооружение растянулось на довольно долгое время — отдельные пар-

тии тесаков для служащих Инженерного полка изготавливались по крайней мере до середины 1761.⁴⁶

Патронная лядушка с «жестянкой» для ружейного масла носилась на ремне из яловичной кожи «на лосиное дело»; металлический прибор лядуночного ремня составляли медные пряжка, запряжник и наконечник. У лядунок, сделанных в 1742 концы ремня «вкладывались» в кожаные «ушки», пришитые, очевидно, к ее исподней стороне. В 1756 минерам были подряжены «лосиные» лядушки и ремни.⁴⁷ Португепя из яловичной кожи на лосиное дело имела медные пряжку с крюком, наконечник и петлю.⁴⁸

Рядовым минерам, кроме фузей и шпаг, по штату 1728 года были положены 36 пар пистолетов, раздававшихся поштучно (упоминаний о таких вещах, как пистолетные полунагалища, пыжовники, трещотки, ремни etc. при работе с документами нам не встретилось). Писарь, барабанщики и цирюльник имели только шпаги и португепи; профосу оружейных и амуничных вещей казна не отпускала вовсе. Во время похода, наряду с оружием и амуницией, рядовой минер нес на себе ранец и водоносную «фляжу»; капралы получали только ранцы, а унтер-офицерам и нестроевым ни ранцев, ни фляг не полагалось.

Помимо названного выше, в Минерной роте следовало иметь две каптенармусские сумы, фурьерский значок, два медных барабана с «уборами» и чехлами, а также 42 равендучных палатки для рядовых и капралов (одна на трех человек). Подробностей о внешнем виде этих вещей сохранилось довольно мало. В 1746 на изготовление фурьерского значка Канцелярия главной артиллерии и фортификации велела взять пол аршина «голландского сурового полотна шириною в один аршин с половиною» и имеющиеся при Санкт-Петербургской крепости наличные краски, «токмо на оном значке герба не рисовать, а написать только "Минерной роты"». ⁴⁹ Барабаны были медные — видимо, точно такие же, как в пехотных полках; чехлы к ним делались «из оставшего... от строения минерным служителям мундира сукна и прочих припасов». ⁵⁰

Столь же отрывочны сведения о подъемной части. В январе 1742 для половины Минерной роты требовалось «приторговать» два фурмана, шесть телег, по восемь хомутов, узд, недоузdkов, попон с подвязками и седелок, а также четыре скребницы для чистки лошадей. ⁵¹ Последних по штатам 1728 и 1757 годов в роте было всего 16.

Нижние чины пионерных и мастеровых рот Инженерного полка, согласно штату, получали такой же набор оружейных и амуничных вещей, как у минеров, исключая пистолеты (последних минерам теперь было положено 50 пар на 250 человек). Кроме того, на каждую роту приходилось по пять ружейных пирамид.

ПИСАРИ И МАСТЕРОВЫЕ ПРИ КРЕПОСТЯХ

Долгое время писари и мастеровые инженерного корпуса одевались кто во что горазд — «мундиру никто не имеют и ходят в разном платье, многие в серых мужичьих кафтанах и в шубах, и носят лапти, и никак их в том, что они обретаются в службе Ее Императорского Величества, признать невозможно». ⁵²

В 1737 Миних положил конец этой вольнице, повелев «инженерного корпуса от компаний (рот Инженерного полка — Авт.) и от крепостей и Санкт-Петербургской крепости писарям, мастеровым и прочим служителям мундир иметь по представлению Фортификационной конторы, из вычетных из их жалованья денег, а именно: от компаний писарям и цирюльникам — в три года шляп по две, да по епанче сукна красного с красною ж каразейною подкладкою, да по кафтану из красных же сукон, с черными триповыми разрезными обшлагами (в том числе писарям как в артиллерии делается — с одним позументом на тех обшлагах серебряным узким), да по камзолу с холстинною подкладкою и по штанам лосиным сибирского дела, понеже оные в носке суконных крепче и вычетных у тех

*служителей в мундир денег будет достаточно, да по одной паре сапогов и башмаков в год; а писарям же комиссарскому, от крепостей, и дернокладчикам, кузнецам и плотникам — в четыре года шляп по две, да по тому ж из красных сукон по кафтану, по камзолу и по штанам, по паре сапогов и башмаков в год; крепости Санкт-Петербургской показанным мастеровым и прочим служителям, кроме квартирмейстера и матросов, — в четыре ж года по карпузу красному с опушкою черного сукна, по кафтану, по камзолу, по штанам и, в каждый год, по одной паре сапогов и башмаков; а пуговицы всем на карпузах и кафтанах и камзолах и штанах класть белые оловянные, в том числе писарям от крепостей кафтаны во всё против писарей компаных, а квартирмейстеру и матросам весь мундир делая, давать против матросов, обретающихся во флоте».*⁵³

Впервые такой мундир был построен и выдан по сроку с 1 января 1740, а затем обновлялся каждые четыре года — в 1744, 1748, 1752, 1756 и 1760. Про обмундирование каждой категории нижних чинов можно добавить еще ряд подробностей.

Итак, начиная с 1740 писари и цирюльники Инженерного полка, а также писари, состоявшие при крепостях и в Инженерном комиссарстве, носили шляпы с белыми бантами и обшивкой; красные суконные кафтаны с подбоем из красной же каizeи или байки, черными триповыми воротниками и небольшими разрезными обшлагами (при отсутствии трипа могли использовать черное сукно); красного сукна камзолы на холстинной подкладке, лосиные «сибирского дела» или замшевые штаны, сапоги и башмаки; на воротники и обшлага писарских кафтанов в один ряд нашивался узкий серебряный позумент. Кроме того, писарям и цирюльникам Инженерного полка были даны такие же, как у минеров епанчи (полностью раскладка материалов приведена в таблицах).

Мастеровые при крепостях — дернокладчики, кузнецы и плотники — получали шляпы с бантами и обшивкой, красные кафтаны с красной подкладкой, черными суконными воротниками и такого же покроя как у гарнизонных солдат круглыми обшлагами, красные подшитые холстом камзолы, лосиные или замшевые штаны, сапоги и башмаки.

Мастеровые Санкт-Петербургской крепости — живописный ученик, слесари, их ученики, десятник кузнечного дела, кузнецы, их ученики, медник, резчики по дереву и камню, квадраторы, столяры, токарь, его ученик, командор и десятники каменного дела, кружальщик, каменщики, каменоломщики, паяльщики, ученик оконничного дела, конопатчик, прядильщик — одевались так же, только взамен шляп им были присвоены красные суконные карпузы с черной опушкой. Писари при Санкт-Петербургской крепости носили одинаковые с мастеровыми карпузы и такие же как у прочих писарей кафтаны с черными триповыми воротниками и разрезными обшлагами, обшитыми серебряным позументом. Делались такие карпузы всего два раза — в 1740 и 1744. В августе 1746 писарям вместо них было велено «отныне иметь против артиллерийских писарей шляпы, которые давать им в два года... А помянутой же крепости подмастерьям и десятникам с построенным ныне мундиром до будущего 748-го году иметь карпузы, понеже на дело их все вещи уже куплены. А впредь, при строении нового мундира, как оным подмастерьям и десятникам, так и всем мастеровым, иметь шляпы, которые и заготовлять, а карпузов уже не делать».⁵⁴ Видимо, с того же 1748 вместо одних лосиных или замшевых штанов на тот же четырехлетний «термин» (время — Авт.) отпускалось по две пары штанов из красного сукна. Шляпы к новому мундиру по сроку 1752 года Канцелярия главной артиллерии и фортификации приказала купить «без обшивки и бантов, токмо с обдержкою нитяною».⁵⁵

Раскладка материалов на обмундирование инженерных служителей при крепостях в 1740-е годы	
шляпа (срок службы — два года)	
белого шерстяного галуна	– 2 аршина
белый бант из канифасного полотна	– 1 штука
нитяная обдержка	– 1 штука
кафтан (срок службы — четыре года)	
красного сукна	– 3 аршина 7 вершков
писарям и цирюльникам — черного трипа на воротник и разрезные обшлага	– 6 вершков
мастеровым — черного сукна на воротник и круглые обшлага	– 5 вершков
красной каразеи или байки на подкладку	– 3 аршина 8 вершков
красной крашенины в фалды и под обшлага	– 2 аршина 8 вершков
холста в рукава и карманы	– 2 аршина 8 вершков
оловянных кафтанных пуговиц	– 2 портища (24 штуки)
камзол (срок службы — четыре года)	
красного сукна	– 2 аршина 4 вершка
холста	– 7 аршин 8 вершков
оловянных камзольных пуговиц	– 1½ портища (18 штук)
штаны (срок службы — четыре года)	
лосиные «сибирского дела» или замшевые козлиные	– 1 пара
обувь (срок службы — один год)	
башмаки	– 1 пара
сапоги	– 1 пара

Раскладка материалов на обмундирование мастеровых чинов Санкт-Петербургской крепости в 1740-е годы	
карпуз (срок службы — четыре года)	
красного сукна	– 8 вершков
черного сукна на опушку	– 4 вершка
красной крашенины	– 1 аршин
оловянных пуговиц	– 5 штук
старая шляпа на подкладку тульи	– 1 штука
кафтан (срок службы — четыре года)	
красного сукна	– 3 аршина 7 вершков
писарям — черного трипа на воротник и разрезные обшлага	– 6 вершков
мастеровым — черного сукна на воротник и круглые	– 5 вершков

обшлага	
красной каразеи или байки на подкладку	– 3 аршина 11½ вершков
красной крашенины в фалды, рукава и карманы	– 5 аршин
оловянных кафтанных пуговиц	– 1½ портица (18 штук)
камзол (срок службы — четыре года)	
красного сукна	– 2 аршина 4 вершка
холста	– 7 аршин 8 вершков
оловянных камзольных пуговиц	– 1½ портица (18 штук)
штаны (срок службы — четыре года)	
лосиные «сибирского дела» или замшевые козлиные	– 1 пара
обувь (срок службы — один год)	
башмаки	– 1 пара
сапоги	– 1 пара

К концу 1750-х годов вещи и материалы на постройку обмундирования писарей и мастеровых (в том числе Санкт-Петербургской крепости) стали выдаваться в том же количестве, как для минеров. Отличий было всего несколько:

- шляпа с белой шерстяной обшивкой и бантом не имела шнура;
- на воротник и круглые обшлага к кафтану мастерового отпускалось пять вершков черного сукна, на воротник и разрезные обшлага писаря — шесть вершков черного трипа (позумент покупался на собственные деньги);
- пуговиц на кафтаны тех и других выходило по полтора портица (18 штук);
- обувью, как и прежде, были башмаки и сапоги.⁵⁶

Помимо инженерных служителей, при Санкт-Петербургской крепости состояло 75 солдат «с мастерством», носивших обычные мундиры, положенные нижним чинам остзейских гарнизонных полков — шляпы, зеленые кафтаны с красным прикладом и медными пуговицами, красные суконные камзолы и кожаные штаны замшевой выделки. В 1760 вместо этих солдат было велено содержать «особую роту» в 260 человек нижних чинов, «и чтоб оным мундир против ныне состоящего солдатского иметь с отменюю, то есть против Инженерного полку, почему на оных солдат и мундирных вещей заготовить ныне надлежит уже на предписанное число — на двести на шестьдесят человек, из красных, а не из зеленых сукон».⁵⁷

Последним нововведением в сфере устройства и обмундирования инженерного корпуса при Елизавете Петровне стал датированный 1760 годом «штат при фортификации разных художеств мастеровых». В этом штате значились: 1 живописец, 2 живописных ученика, 6 малярных учеников, 2 машинных мастера, 2 подмастерья, 4 ученика, 6 мастеров каменного дела, 6 подмастерьев, 12 учеников, 6 резчиков каменного дела, 6 резчичьих учеников, 1 мастер кирпичного и черепичного дела, 2 подмастерья, 3 ученика, 1 известной мастер, 2 подмастерья, 3 ученика, 230 каменщиков, 50 каменотесов, 11 печников, 6 штукатуров, 6 кузнечных мастеров, 6 подмастерьев, 150 кузнецов, 18 учеников, 2 медника, 2 ученика, 16 слесарей, 8 слесарных учеников, 6 паяльчиков, 6 учеников, 1 мастер столярного и резного дела, 2 подмастерьев, 6 учеников, 34 столяра, 15 резчиков деревянного дела, 2 токарных подмастерья, 15 токарей, 5 учеников, 10 плотничных мастеров, 20 подмастерьев, 150 плотников, 50 дернокладчиков, 100 пионерских сержантов, 1.200 пионеров, а также 1 квартирмейстер, 6 матросов и 2 конопатчика «для судов».⁵⁸

«...Мундир иметь мастерам и живописцу собственные — красные кафтаны, а камзолы и штаны синего сукна, и на всём мундире пуговицы белые, шляпы с серебряным гладким позументом.

Подмастерьям и дернокладчикам мундир иметь казенный, в три года, — кафтан красного сукна с синим стамедным подбоем, обшлага и воротники синие суконные, камзол и штаны синего сукна с подбоем холстинным белым, пуговицы на всём мундире белые, шляпы с серебряным гладким позументом. И на все вышеписанные вещи определяется сумма по 12 ру[блев], а на год на каждого человека по 4 ру[бли], а всем 94-м человекам — 376 ру[блев].

Прочим всем при фортификации мастеровым мундир иметь казенный, в три года, — кафтан красного сукна с подбоем синюю каразею, обшлага и воротники синего сукна, камзолы и штаны синего ж сукна с подкладкою белою холстинною, пуговицы на всём мундире белые, шляпы с белым шерстяным галуном. И на все вышеписанные вещи определяется сумма на каждого по 2 ру[бли], в год, а всем 878-ми человекам — 1.756 ру[блев]...

Сверх вышеписанного числа, пионерским сержантам, пионерам и дернокладчикам иметь казенные шпаги в 15 лет, каждая по 1 ру[блю] 50 ко[пеек], итого... портупей в 8-м лет, по 32 ко[пейки], итого... Такжеж всем живописцу, мастерам и подмастерьям шпаги иметь собственные, а прочим мастеровым шпаг не иметь.

Пионерским сержантам иметь мундир противу минерных каптенармусов, а пионерам — противу минеров, казенный».⁵⁹

Извозчики

Отдельной категорией нижних чинов инженерного корпуса были извозчики (они же — погонщики, фурлейты), состоявшие при Минерной роте и крепостях *«у присмотру фортификационных лошадей».*

До середины 1740-х годов головным убором извозчику служил серый сермяжный карпуз с полями-отворотами из василькового или синего сукна; кроме основных материалов, на каждый карпуз отпускалось пять оловянных камзольных пуговиц и четыре аршина белого шерстяного шнура *«на расшивку».* Сермяжный кафтан имел синюю крашенинную подкладку в карманах и фалдах, васильковые или синие суконные воротник и обшлага. Камзол и штаны из белой суровой коломенки подшивались холстом. Оловянные литые пуговицы с железными ушками, 24 кафтанных и 18 камзольных, крепились к одежде при помощи кожаных ремней. Обувью извозчика были сапоги.

В марте 1745 Канцелярия главной артиллерии и фортификации назначила фурлейтам обмундирование не в пример добротней прежнего: *«в три года — по сертуку и по карпузу из василькового сукна с красными обшлагами, да камзолов и штанов каламенковых по двоим, с пуговицами оловянными».*⁶⁰ Васильковый карпуз с красными полями расшивался белым шерстяным шнуром; подкладкой такому карпузу служил красный коровий войлок, на каждый карпуз его выходило 1/13 доля *«из целой полсти».** Василькового сукна сюртук или, как его называли обычно, кафтан, имевший красные воротник и обшлага, подшивался синей крашениной и холстом. Камзол и штаны как прежде делали из каламенкового полотна, с холстинной подкладкой. На кафтан отпускалось 18 кафтанных пуговиц; на карпуз, две пары камзолов и штанов — 57 камзольных.

* Из позднейших документов известен размер полсти. В 1778 на постройку обмундирования артиллерийским и фурштатским служителям 2-го канонирского полка среди прочих материалов было куплено *«войлока коровья из целой полсти длиною по 2½ аршина, шириною по 1½ аршину, на каждого человека по 1/13 доле».* РГВИА. Ф.117. Оп.1. Д.114. Л.414.

раскладка материалов на обмундирование извозчиков с 1730-х по 1745 год	
на три года	
серого сермяжного сукна на кафтан и карпуз	– 10 аршин
василькового (синего) сукна на поля карпуза, воротник и обшлага кафтана	– 1 аршин
синей крашенины в фалды и карманы кафтана	– 2 аршина 8 вершков
оловянных кафтанных пуговиц на кафтан	– 2 портища (24 штуки)
оловянных камзольных пуговиц на карпуз	– 5 штук
оловянных камзольных пуговиц на камзол	– 1½ портища (18 штук)
ремней на «посадку» (крепление) пуговиц	– 1 штука
белого шерстяного шнура на обшивку карпуза	– 4 аршина
на полтора года	
белой суровой каламенки на камзол	– 4 аршина
холста на подкладку камзола	– 8 аршин
белой суровой каламенки на штаны	– 2 аршина
холста на подкладку штанов	– 4 аршина
на один год	
сапоги	– 1 пара
раскладка материалов на обмундирование извозчиков с 1745 по 1762 год	
на три года	
василькового (синего) сукна на кафтан и карпуз	– 3 аршина 7 вершков
красного сукна на поля карпуза, воротник и обшлага кафтана	– 7 ¹ / ₁₆ вершка
синей крашенины на подкладку кафтана	– 5 аршин
холста на подкладку кафтана	– 5 аршин
суровой каламенки на двое камзолов и штанов	– 12 аршин
холста на подкладку двух камзолов и штанов	– 21 аршин
оловянных кафтанных пуговиц	– 1½ портища (18 штук)
оловянных камзольных пуговиц на карпуз, двое камзолов и штанов	– 4¾ портища (57 штук)
ремней на посадку пуговиц (один ремень на 16 пуговиц)	– 3½ штуки
белого шерстяного шнура на обшивку карпуза	– 3 аршина 8 вершков
войлок из красной коровьей шерсти на подкладку карпуза	– 1/13 доля полсти
на один год	
сапоги	– 1 пара

ГРЕБЦЫ

С 1736 при инженерной команде Санкт-Петербургской крепости состояла восьмивесельная шлюпка, употреблявшаяся «к разъезду для смотра над работами Санкт-Петербургской и Шлиссельбургской крепостей». Позднее эта шлюпка

ка была «определена» к чертежной генерал-фельдцейхмейстера Шувалова; кроме того, ее могли использовать «для перевозу знатных, а особливо иностранных людей».

Находившиеся при ней матросы и квартирмейстер носили обыкновенное матросское платье. В 1740, когда подошел срок менять его, Фортификационная контора приказала: *«Обретающимся при Санкт-Петербургской крепости квартирмейстеру и матросам, всего семи человекам, надлежащий мундир, против обретающихся во флоте квартирмейстеров и матросов, а именно на нынешний 740-й годовою один, да на оный же 740-й и на предбудущие 741-й и 742-й годы трехгодою один же мундир, сделать на вычетные у них в мундир деньги. И к делу того мундира нижепоказанные припасы, а именно ж: пестряди на рубахи, порты и галстуки — семьдесят семь аршин четырнадцать вершков; холста белого на рубахи — сорок аршин четыре вершка, на порты — двадцать два аршина двенадцать вершков; чулков серых — четырнадцать пар, башмаков — семь пар, сапогов — семь же пар, тикку шириною в аршин — двадцать два аршина пять вершков, холста подкладочного шириною в десять вершков — пятьдесят аршин шесть вершков, пуговиц костяных белых камзольных — сто двадцать шесть, на кафтаны и штаны — восемьдесят восемь, медных кафтанных — семнадцать, камзольных — две, шляп матросских вязаных — семь, василькового сукна шириною в аршин в четырнадцать вершков — четыре аршина два вершка, канифасу шириною в аршин — пятьдесят девять аршин двадцать семь вершков, сукна сермяжного шириною в одиннадцать вершков — восемьдесят четыре аршина, приторговать от Инженерного комиссарства прапорщику Павлу Зеленому обще с инженер-капитаном-поручиком Хвостовым при фискале Муравьеве, настоящими ценами, без передачи и не свыше положенных в Адмиралтейской коллегии по штату цен, ежели меньше оных не сыщется»*.⁶¹

Позднее вместо матросов к шлюпке приставили то же число людей из мастеровых Санкт-Петербургской крепости, получавших особый «гребецкий мундир». Зимой, когда «езды» на шлюпке не было, мастеровые возвращались к своим основным обязанностям, а мундир у них отбирался до следующего лета. Во время приема мундир осматривался, и если бывал найден «в нечистоте» или попорченным, его владелец не только получал наказание за «небрежение» казенного имущества, но и чинил «изодранное» за собственный счет.⁶² Известно, что новые гребецкие мундиры строились в 1745, 1748, 1755, 1758 и 1761. Определенного срока службы они не имели, однако должны были использоваться не меньше трех лет и до истечения этого времени ни под каким видом замене не подлежали — *«чрез вышеписанное краткое время... в худобу прийти не можно, ибо солдатский мундир чрез три и четыре года переменяется, а в носке бывает беспрерывно летом и зимою, и разве показанный гребецкий мундир в худобу пришел от небрежения тех гребцов и от неимения над ними смотрения»*.⁶³

Мундир гребца состоял всего из двух предметов — карпуза и кафтана. Тот и другой были красные суконные, расшитые белой тесьмой. На околыш карпуза, воротник и обшлага кафтана отпускался черный трип. Кроме того, карпуз украшал «герб» из полуженной жести. Все остальные вещи — галстуки, штаны, обувь — определенные «в гребцы» мастеровые брали от своего обыкновенного «указного» мундира.

Известна только одна полная раскладка материалов на изготовление гребецких вещей. В августе 1748 Канцелярия главной артиллерии и фортификации велела построить квартирмейстеру и восьми гребцам *«вместо имеющегося ныне ветхого»* такой же мундир, каков был прежний. Согласно предварительному исчислению, на каждый новый комплект требовалось 3 аршина 10 вершков красного сукна, 3 аршина 8 вершков красной каразеи, 5 аршин 12 вершков красной крашенины,

один аршин черного трипа, два портища пуговиц (каких именно — не указано) и 7 аршин 12 вершков белой тесьмы.⁶⁴

О мундирах, делавшихся позднее, ничего конкретного сказать нельзя. Как и прежде, для пошива кафтанов и карпузов отпускали красное сукно, черный трип и белую тесьму; на мундиры образца 1758 года последней считалось примерно по девяти аршин. В мае 1759 для гребцов было приказано сделать красные галстуки *«из имеющихся в крепости при инженерной команде старых флагов»*.⁶⁵

Помимо восьмивесельной шлюпки, в конце 1740-х годов при Санкт-Петербургской крепости числился еще четырехвесельный рабит с четырьмя гребцами и квартирмейстером, получавшими черный трип на опушку карпузов, воротники и обшлага кафтанов.⁶⁶ К началу 1760-х годов этот рабит заменили на четырехвесельный же елбот, гребцам которого выдавался старый *«исправленный починкою»* мундир, отобранный у гребцов восьмивесельной шлюпки.⁶⁷

ПЛЕННЫЕ И КАТОРЖАНЕ

Тяжелую и грязную фортификационную работу выполняли каторжники. После походов в Крым к ним присоединились взятые в плен турки и татары. В октябре 1739 при Риге, Ревеле и Нарве *«кроме офицеров, старшин, женского полу и малых робят»* их было 1.059 человек.

С приближением зимы, *«чтоб те пленные в нынешнее студеное время в одежде нужды не имели»*, Фортификационной контора приказала сделать им такие же как у каторжан *«рабочий мундир и обувь, а именно: кафтаны, карпузы и штаны — из сермяжных сукон, рубахи с порты, да по паре котов с чулками и рукавицы с вареги... и быть при них тому мундиру до износу»*. По предварительному *«исчислению»*, на каждого человека требовалось: *«сукна сермяжного шириною в одиннадцать вершков на кафтаны, на каждый по девяти аршин, на штаны по три с половиною аршина, на карпузы и с опушкой по одному с половиною аршину, итого на кафтаны и штаны и карпузы потребно сукна серого на каждого человека по четырнадцати аршин, а на всех — четырнадцать тысяч восемьсот двадцать шесть аршин; да котов, чулков, голиц, варег, — каждого звания по тысяче по пятидесят по девяти; холста подкладочного на рубахи каждому по двенадцати аршин, а на всех — двенадцать тысяч семьсот восемь аршин; хрящу на порты каждому по восьми аршин, а на всех — восемь тысяч четыреста семьдесят три аршина»*.⁶⁸ Добавим, что подкладочный холст для рубах был куплен белый, а сермяжное сукно — белого, серого или смурого цветов, шириной от девяти до 10 вершков, причем по сортам оно различалось на *«кафтанное»* (видимо, чуть более грубое) и *«карпузное и штанное»*.⁶⁹

Износить этой одежды пленные не успели. В начале 1740 Россия и Порта помирились, невольников-мусульман уволили *«от всяких работ»* и, не упуская времени, по первому зимнему пути, *«с пристойным конвоем препровождая от места до места»*, отправили в Киев, *«для возвращения в их отечество»*, снабдив на дорогу деньгами и провиантом.⁷⁰ Выданные бывшим каторжанам платье и обувь, вопреки чаяниям Фортификационной конторы, Военная коллегия велела *«не отбирать и при отправлении их тот мундир отпустить с ними»*.⁷¹

Существовавшие в конце 1730-х годов нормы довольствия каторжан мало изменились и в дальнейшем. Так, в октябре 1753 осужденному на год каторжных работ извозчику Кабардинского пехотного полка Василию Бухареву было приказано выдать: *«муки — три четверти, круп — один четверик с половиною, соли — двадцать четыре фунта; холста: на рубахи из подкладочного — двенадцать аршин, на порты из хрящевого — восемь аршин; голиц — две пары, варег — одну пару, упоков — три пары; да вместо положенного числа на кафтан и штаны сукна сермяжного четырнадцати с половиною аршин да в три года шубы бараньей по рас-*

численю произвестъ же деньгами, по прошествии того годичного времени, из фортификационной суммы». ⁷²

В заключение этого раздела не будет лишним сказать, что голицами в XVIII и XIX веках назывались кожаные рукавицы, надевавшиеся поверх связанных из шерсти «однопалых» варег. Слово «упоки» или «упаки», согласно словарю Владимира Даля, обозначало «*мужичьи сапоги с грубыми сыромятными голенищами, иногда в роде грубых котов*». Бахилами, как свидетельствует изданный в конце царствования Екатерины II «Словарь Академии Российской», именовался «*род крестьянской обуви, делаемой наподобие котов, но передки у них бывают короче, и подвязываются ремнями как лапти*», а котами — «*род крестьянской обуви, подобной бахилам, но передки у них бывают выше, и стягиваются ремнями*».

ИНЖЕНЕРНЫЕ УЧЕНИКИ

В январе 1733 Канцелярия главной артиллерии и фортификации назначила ученикам всех трех классов Инженерной школы следующее обмундирование:

«Кафтаны и камзолы красные, под кафтанами подкладка стамеду красного ж; рукава разрезные, с обшлагами малыми по прусскому манеру, из черного хорошего тонкого сукна. Штаны — красные, по манеру аглинскому. Под камзолами подкладка красной крашенины, а под штанами — холстиною посредственная. Пуговицы — белые, у кафтанов и камзолов до пояса, таже и на штанах, из чистого олова. Шляпы — небольшие черные, на прусский манер, с узким серебряным гладким позументом. И на дело оного мундира вычитать у них из жалованья, у каждого человека в каждый месяц, по тридцати по три копейки». ⁷³

Впервые, однако, такой мундир был построен и выдан по сроку с 1 января 1737, когда из жалованья учеников удалось вычесть всю необходимую «на дело того мундира» сумму денег. Следующий комплект вещей изготовили к 1 января 1741 и, так как он оказался на порядок дешевле прежнего, в дальнейшем мундир инженерных учеников стали обновлять каждые три года — в 1744, 1747, 1750, 1753, 1756, 1759 и 1762. Перечень и количество материалов, положенных на одного ученика, показаны в таблице.

раскладка материалов на обмундирование инженерных учеников в 1730-е и 1740-е годы	
шляпа	– 1 штука
гладкого серебряного позумента на обшивку шляпы	– 5 золотников
красного сукна на кафтан, камзол и штаны	– 6 аршин 8 вершков
черного трипа на воротник и обшлага кафтана	– 6 вершков
красного стамеда на подкладку кафтана	– 4 аршина
красной крашенины	– 7 аршин 8 вершков
холста	– 5 аршин
оловянных кафтанных пуговиц	– 3 портища (36 штук)
оловянных камзольных пуговиц	– 3 портища (36 штук)
красного гаруса на обметку пуговичных петель	– 6 золотников
черной клеенки	– 3 аршина
белого крученого холста на штиблеты	– 1 аршин 8 вершков
простого холста на подкладку штиблет	– 1 аршин 8 вершков
медных (с 1741 оловянных) штиблетных пуговиц	– 3 портища (36 штук)
тупоносые башмаки	– 1 пара

Приведенные выше описание и таблицу можно дополнить еще рядом подробностей. Сукно на постройку обмундирования приобреталось английское или голландское, лучшего качества, чем для армейских полков; стамед мог быть двойной

или «одинакий», а воротники и «разрезные» обшлага к кафтану всегда делались из черного трипа. Серебряный позумент для обшивки шляп покупался на вес, причем если масса позумента, отпускаемого на человека со временем менялась (в 1749 она составляла шесть золотников, в 1755 — семь с половиной), то «мера», равная двум аршинам была величиной постоянной. Пуговицы до середины 1750-х годов подражались литые, с железными ушками, затем — «оловянные на дереве». На штиблетах образца 1737 года пуговицы были медные, а уже со следующего раза — оловянные, как на мундирных вещах, но еще меньшего размера, чем камзольные (к примеру, в 1746 дюжина кафтанных пуговиц стоила 11 копеек, камзольных — восемь, штиблетных — пять).⁷⁴ Как именно на одном мундире располагалось шесть портищ кафтанных и камзольных пуговиц, сказать мы не можем.

В 1750-е годы для изготовления ученических мундиров приобретали те же самые вещи и материалы, что в 1730-е и 1740-е, однако вычислить их точное количество на один форменный комплект нельзя — каждый раз они покупаются «за исключением наличных, оставших от прежнего заготовления». Однако, существенных перемен, похоже, не было. Замена подкладки в камзолах — красной крашенины на такой же, как у штиблет «простой» холст — стала, кажется, единственным нововведением. Шить форменные вещи следовало «по возрасту» (росту — Авт.) учеников, «употребляя сукна и приклад по надлежащему числу, без излишества». Деньги «на заплату за шитье, також на покупку воску, игол и ниток» отпускались «по положенной по пунктам Воинской комиссии цене» — 14 копеек на каждый мундир.

С 1759 ученики Артиллерийской и инженерной школы по-видимому носили кафтаны с лацканами. В смете на постройку всedневных мундиров, представленной на утверждение Шувалова, среди прочих материалов значилось черное сукно на «обшлага и воротники», однако последний велел делать их триповыми, «для которого [строения] по исчислению потребно, против сделанного образцового, на весь комплект артиллерийских и инженерных учеников, на сто на тридцать на пять человек, девяносто два аршина тринадцать вершков».⁷⁵ Не трудно рассчитать, что на каждый мундир выходило ровно 11 вершков трипа — это почти вдвое больше, чем отпускалось прежде.

Наряду с прочими предметами, в программу Инженерной школы входило изучение воинской экзерциции. Дисциплина эта для будущих инженеров была отнюдь не главная, поэтому переданные школе оружейные и амуничные вещи обновлялись редко и, как правило, продолжали службу до полного износа (кстати сказать, ни оружия, ни амуниции, ни денег на их приобретение в штате 1728 года не значилось вовсе). В 1731 Инженерная школа получила с Оружейного двора 60 (по числу учеников) «малого калибра починенных» драгунских фузей со штыками. Несколько лет спустя, они, находясь, очевидно, не в лучшем виде уже при отпуске, стали совсем «ветхи», к тому же, как показал опыт, были «ко обучению Инженерной школы учеников экзерциции тяжелы» — некоторые «малолетные» ученики просто-напросто не могли поднять их. В 1740, по просьбе состоявшего при школе поручика Демарина, Миних «представлял» Военной коллегии о передаче школе 75 «прежних малых» ружей, отобранных у лейб-гвардии Конного полка, однако сделано ничего так и не было. Лишь в 1746 Канцелярия главной артиллерии и фортификации приказала изготовить ученикам Московской и Санкт-Петербургской школ 225 новых фузей со штыками «калибром и маниром во всём сходные против имеющихся в Кадетском корпусе».⁷⁶ 150 таких ружей, сделанных мастерами тульских заводов, ученики Санкт-Петербургской школы получили в конце 1748.⁷⁷ Тогда же к ружьям были подражены новые ремни с медными пряжками и лядунки «с деревянными патронами (патронными колодками — Авт.), обшитые яловичною черною кожею».⁷⁸

В августе 1759 Канцелярия главной артиллерии и фортификации приказала сделать 135 ученикам Артиллерийской и инженерной школы «вместо ныне имеющихся... старых черных кожаных с деревянными патронницами подсумков... зам-

шевые подсумки ж в надлежащую препорцию — против имеющихся у артиллерийских и минерных служителей, с патронными жестяными гнездами [и] вместо ремней с петлями». К подсумкам артиллерийских служителей, которые в том же 1759 ставил купец Терентьев, гнезда «деланы были из казенной жести, которой на одно подсумочное гнездо употребилось одинакой жести один и три четверти листа, за которую по покупной цене имеет быть денег двенадцать копеек с четвертью, да за работу по семи копеек с половиною». ⁷⁹

Холодного оружия инженерным ученикам по штату 1728 года, как уже было сказано выше, не полагалось и никаких упоминаний о нем в просмотренных нами документах нет (скорее всего, шпаги и португепи ученики приобретали самостоятельно). По-видимому, обеспечиваться табельным, — то есть обновляющимся в определенные сроки, — оружием и амуницией стала только Артиллерийская и инженерная школа. К январю 1761 для ее учеников на Сестрорецких заводах были сделаны тесаки «с медными чеканными эфесы, клинки с ножнами и местами к положению инструментов, с наконечниками верхними и нижними и крючками чеканными, с ножничками с медными черешками сто тридцать один, в том числе: большей руки — с циркулями и с футами — шестьдесят шесть, малой руки — с одними ножничками с медными черешками — шестьдесят пять, да к прежде сделанным четырем клинкам вылито, отделано и расчеканено четыре эфеса, в том числе большой руки два, малой руки два». ⁸⁰

Следующую страницу истории инженерного корпуса и его мундира открыло царствование Екатерины II.

РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.8. Дело о командовании и управлении инженерством, контрою, школою и крепостями инженер-генерал-майору де Кулону. 25 июля 1726 — 13 марта 1727.

РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.35. Дело о именовании Инженерной конторы Главною или Генеральною фортификационной и о прочем. 3 сентября 1728 — 3 июня 1729.

РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.52. О бытии генералу графу фон Миниху главным над артиллериею и фортификациею. 2 июня — 25 сентября 1729.

РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.54. О сообщении Инженерной конторы с артиллериею и о именовании оных правлений канцеляриею от Главной артиллерии и от фортификации. 16 августа 1729 — 9 февраля 1730.

РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.69. Описание артиллерийскому и инженерному мундиру и о выдаче на построение оных [денег] в счет жалованья. 25 января 1731 — 19 октября 1732.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.21. О бытии Фортификационной конторе обще со артиллериею. 19 февраля 1742 — 7 июня 1743.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.37. О учреждении в Москве Инженерной школы. 11 марта 1743 — 19 февраля 1745.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.41. О имени инженерным офицерам у мундиров позументу против полевых офицеров. 8 марта — 22 августа 1743.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.218. О присылке от инженерных полковых дел о всех инженерных служителях именного списка, також и о присылке впредь оных по-месячно. 17 января 1750 — 10 мая 1751.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.240. Об умершем инженерном капитане Цвингере, тут же об отдаче оногo Цвингера пожитков наследникам его. 30 апреля 1750 — 26 февраля 1753.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.248. О убавке Санкт-Петербургской инженерной школы из учеников из каждого класса по десяти вакансий, и о прибавке кондукторских десяти вакансий. 11 июля 1750.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.276. О имени инженерного корпуса рисовальным и прочим мастерам, також и архитекторным гезелям надлежащего мундира. 22 февраля 1751.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.303. О требовании от Военной коллегии о прибавлении к содержащимся во инженерном корпусе сверх положенного по штату и по позволению числа инженерных офицеров: майора 1, капитанов и капитан-поручиков по 2, поручиков, подпоручиков и прапорщиков по 4. Також и о подаче в Военную коллегию как о здешних, так и о московских инженерной школы учениках — сколько их содержать предполагалось и ныне полагается, и кто из каких чинов, и скольких лет, и о прочем, ведомости. 14 августа 1752 — 14 мая 1753.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.394. Материалы инженерной команды при заграничной армии. 27 ноября 1756 — 18 марта 1759.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.404. Дело о формировании Инженерного полка. 20 января 1757 — 29 мая 1760.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.426. О имени инженерным офицерам и кондукторам мундиров с лацканами, и кондукторам вместо шпаг тесаков. 14–23 июля 1758.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.427. Дело о соединении Артиллерийской со Инженерною школою, тут же и о покупке во оную ко обучению разных книг и прочего пополам из артиллерийской и инженерной сумм, и о награждении рисовального мастера Петрулина поручичьим рангом. 24 августа 1758 — 23 июля 1759.

РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.463. Штат положенный при фортификации разных художеств мастеровых. 1760.

Кроме того, в ходе работы над статьей были просмотрены все протоколы Канцелярии главной артиллерии и фортификации и Фортификационной конторы за 1728–1762.

ПОЯСНЕНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

ПЛАНШЕТ № 1

Верхний ряд: офицеры, 1732–1735; офицеры, 1735–1742; офицеры, 1742

Средний ряд: обер-офицеры, 1743–1747; офицеры, 1747–1758; офицеры, 1758–1762

Нижний ряд: кондукторы, 1758–1762; рисовальные мастера, 1751; мастера каменного дела, архитекторные гезели, мурмейстеры, 1751

ПЛАНШЕТ № 2

Верхний ряд: минеры, 1730-е — 1760; минеры, 1760–1762; писари, 1740-е; цирюльники инженерного полка, 1740-е

Средний ряд: мастеровые, 1740-е; мастеровые Санкт-Петербургской крепости, 1740-е; мастеровые, 1750-е; подмастерья и дернокладчики, 1760 (проект?)

Нижний ряд: мастеровые, 1760 (проект?); извозчики, 1730-е — 1745; извозчики, 1745–1762; ученики Инженерных школ, 1730-е — 1740-е

ОБРАЗЦОВЫЕ РИСУНКИ

Ф.826. Оп.2 Д.41. Л.5. Рисунок в профиль кафтана и камзола офицеров инженерного корпуса («Кафтан с камзолом штаб- и обер-офицерский, кроме позументов в фалдах у поручиков и прочих»). 1743 г. 23 x 14,5 см

Ф.826. Оп.2 Д.41. Л.6. Рисунок в профиль камзола штаб-офицеров инженерного корпуса («Пола штабского камзола»). 1743 г. 23 x 14 см

Ф.826. Оп.2 Д.41. Л.8. То же. 1743 г. 22 x 16 см

Ф.826. Оп.2 Д.41. Л.7. Рисунок обмундирования офицеров инженерного корпуса («Кафтан с камзолом штаб- и обер-офицерский, кроме позументов в фалдах у поручиков и прочих»). 1743 г. 22 x 16 см

-
- ¹ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.8. Л.1-1об.; Д.35. Л.3.
² РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.19. Л.1-3.
³ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.52. Л.1.
⁴ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.21. Л.24об.-25, 30-35 и др.
⁵ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.218. Л.14об.
⁶ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.303. Л.3.
⁷ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.303. Л.3об.-4.
⁸ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.264. Л.17-18; Д.303. Л.5-6об.
⁹ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.404. Л.34об.
¹⁰ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.404. Л.34-79об.
¹¹ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.248. Л.1-4об.; Д.284. Л.75.; Д.286. Л.135-138.
¹² РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.427. Л.1, 3-9.
¹³ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.69. Л.14об.-15.
¹⁴ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.69. Л.15.
¹⁵ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.69. Л.2-2об.
¹⁶ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.69. Л.23, 29-30 и др.
¹⁷ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.69. Л.33.
¹⁸ РГВИА. В.826. Оп.1. Д.69. Л.31-31об.
¹⁹ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.123. Л.100-100об.
²⁰ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.17. Л.76а.
²¹ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.41. Л.9-9об.
²² РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.426. Л.2-3.
²³ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.426. Л.8.
²⁴ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.394. Л.357.
²⁵ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.276. Л.1-1об.
²⁶ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.240.
²⁷ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.24. Л.47-47об.
²⁸ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.145. Л.151-151об., Оп.2. Д.110. Л.95., Д.380. Л.237.
²⁹ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.210. Л.99.
³⁰ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.134. Л.51об.
³¹ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.103. Л.115.
³² РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.134. Л.108-109.
³³ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.316. Л.121., Д.319. Л.16-18 и др.
³⁴ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.113. Л.262, 388; Оп.2. Д.134. Л.108-108; Д.380. Л.237; Д.382. №47; Д.465. Л.16-17об.
³⁵ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.335. Л.62-63.
³⁶ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.145. Л.151-151об.; Оп.2. Д.110. Л.95.
³⁷ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.17. Л.19; Д.110. Л.20.
³⁸ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.447. Л.78-78об.
³⁹ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.473. Л.141.
⁴⁰ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.451. Л.206-211.
⁴¹ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.13. Л.43.
⁴² РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.13. Л.43; Д.338. Л.10-10об; Д.362. Л.16.
⁴³ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.380. Л.10-11об.
⁴⁴ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.193. Л.138-139об;
⁴⁵ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.336. Л.8.
⁴⁶ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.433. Л.102-103; Д.435. Л.116-117, 126; Д.436. Л.78-78об; Д.465. Л.136.
⁴⁷ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.267. Л.123; Д.380. Л.10-11об.
⁴⁸ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.316. Л.75-75об.
⁴⁹ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.102. Л.18.
⁵⁰ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.267. Л.123.
⁵¹ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.218. Л.78.
⁵² РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.129. Л.61-61об.
⁵³ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.129. Л.61-61об.
⁵⁴ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.108. Л.84-84об.
⁵⁵ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.270. Л.56-57об.
⁵⁶ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.404. Л.80-80об.
⁵⁷ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.451. Л.206-211.

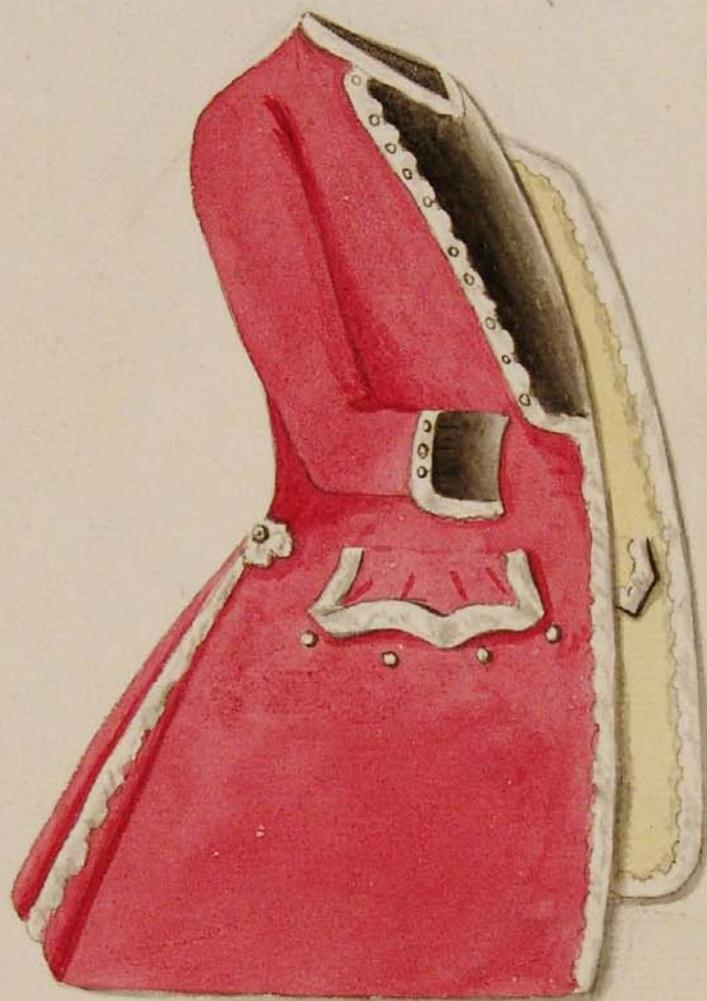
-
- ⁵⁸ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.463. Л.1-3.
⁵⁹ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.463. Л.3об.-4об.
⁶⁰ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.103. Л.13-14.
⁶¹ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.189. Л.155.
⁶² РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.465. Л.37-38.
⁶³ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.127. Л.107-107об.
⁶⁴ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.151. Л.125-125об.
⁶⁵ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.433. Л.35-35об.
⁶⁶ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.194. Л.129.
⁶⁷ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.465. Л.37-38.
⁶⁸ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.175. Л.156-160.
⁶⁹ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.175. Л.266-267об.
⁷⁰ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.190. Л.119-120.
⁷¹ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.190. Л.234.
⁷² РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.319. Л.74.
⁷³ РГВИА. Ф.826. Оп.1. Д.112. Л.95-95об.
⁷⁴ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.111. Л.15об.-17.
⁷⁵ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.431. Л.65-66.
⁷⁶ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.110. Л.132-133.
⁷⁷ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.154. Л.8.
⁷⁸ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.146. Л.91-91об.
⁷⁹ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.434. Л.210-212.
⁸⁰ РГВИА. Ф.826. Оп.2. Д.464. Л.13-14об.

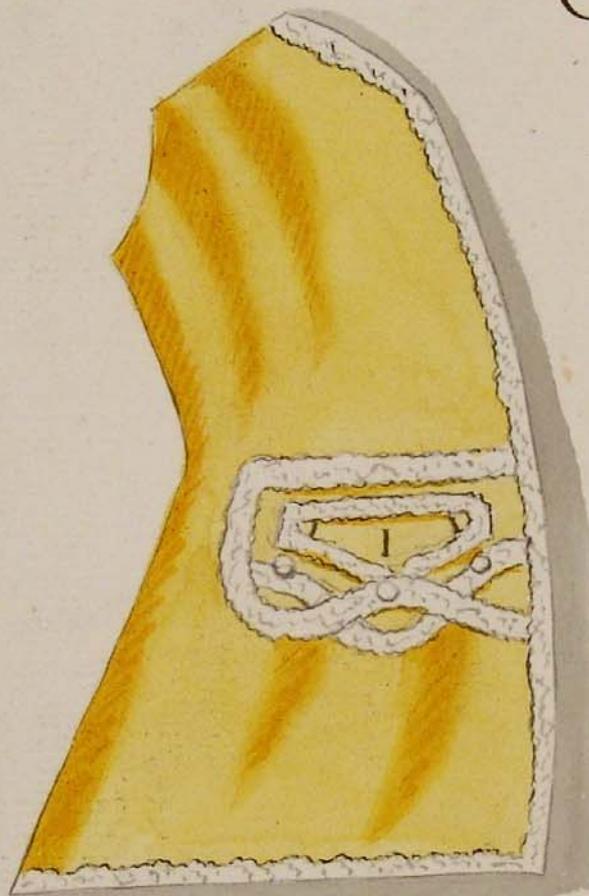

нафта синавон штапль йовѣ сѣщериной
иrome повѣмѣтѣ вѣрѣмѣ Упорѣтѣйѣдѣ

8

Поса митташиаро Sansora

6

Πολυ σπασμωδική νόσος.

